

"Преждевременное стремление к развиту в себе чувства любви к Богу уже есть самообольщение"
Свт.Игнатий (Брянчанинов)

"Цветите, юные! И здоровейте телом!
У вас иная жизнь, у вас другой напев.
А я пойду один к неведомым пределам,
Душой бунтующей навеки присмирив"
С.Есенин

БЕРЕГ ЮНОСТИ

Воспоминание

Я помню каждый день тех лет далеких,
Хотя, признаюсь, больно вспоминать
Скамеечку под сенью лип высоких,
Деревню нашу, дом, отца и мать.

Я помню, что они мне говорили:
— Сыночек милый, к Богу обратись.
И постоянно за меня молились,
Но я уже вкусил другую жизнь.

Молиться мне страшнее ада было,
Пойти на танцы лучше иль в кино;
Святое — непонятно и постыло,
Зато в охотку — карты и вино...

Мне не забыть тот день из жизни прежней,
Последний день отца, он умирал.
Рыдая, мать казалась безутешной,
А я, хмельной, стоял и хохотал:

— Но где же Бог твой, что ж Он не спасает?
Он Исцелитель? Что ж ты не встаешь?
Иль с Богом люди тоже умирают?
И ты, отец, как все, в земле сгниешь...

Он улыбнулся и сказал без боли:
— Я жив еще, а ты, сынок, мертвец!
Но если есть на то Святая Воля,
То знай, что воскресит тебя Творец!

Отца похоронили, мать молилась,
Прось, чтоб я исправился, прозрел,
Но мне тогда совсем другое снилось,
Другим я жил, иного не хотел.

Молитвы, слезы — все мне надоело.
Мне стали в тягость мать и тесный двор,
И вот однажды я ушел из дома —
Тайком, глубокой ночью, точно вор.

И ликовал я: «Вот она, свобода!
Огромный мир, вся ширь его — мои!»
Не знал глупец: иду на дно болота,
Где тина, гниль, обман и яд змеи.

Разгул, друзья — все это закружило
В водовороте суеты и зла.
В бесстыдстве, пьянстве время проходило,
Но это не тревожило меня.

Не ведал я, что есть источник вечный
Живительной, спасительной воды,
Но не к нему я шел, увы, беспечный,
А в пропасть, в преисподню сатаны.

Из духовных стихотворений протоиерея Валентина Мордасова

Круг развлечений, в золото одетый,
Так ярок он для тех, кто ослеплен;
Я был слепцом, не видя рядом света,
В безбожный ад кромешный погружен.

Но кто же мог спасти меня от смерти?
Кто б плен греха дал силы победить
И вырваться из мрачной круговерти,
Воспрянуть к свету, распрямитесь, жить?

Но, впрочем, не о том тогда я думал...
Случилось как-то летом в сильный дождь
На улице внезапно встретил друга.
Земляк — но вдруг меня пробрала дрожь.

Явился мне внезапно мамин образ:
Глаза в слезах, печальны, как всегда.
Забилось сердце, задрожал мой голос,
Но вырвались бездушные слова:

— Ну как там мать, меня хоть вспоминает?
Наверное, давно уж прокляла,
Хочу заехать, только время не хватает,
Сам понимаешь: все работа, да дела.

— Дела, работа, — помолчал бы лучше!
Твои дела нетрудно угадать.
Скажу тебе, но только сердцем слушай
Про то, как «позабыла» тебя мать:

Когда ты скрылся, то она от горя
Вся поседела, ведь тобой жила!
И каждый день, с недугом лютым споря,
Шла на распутье и тебя ждала.

И простирая свои руки к небу,
Молясь во имя пролитой Крови,
Она была для всех живым укором —
Столпом надежды, веры и любви.

Ну а когда стоять была не в силах,
Когда, недужная, совсем в постель слегла,
Кровать к окну подвинуть попросила,
Смотрела, плача, и тебя ждала...

Его слова, как ковш воды с отлета,
С души сорвали, смыли коросту
Я задрожал, промямлив, вроде, что-то,
Спросил: «Она жива? Скажи, прошу!».

— Как знать сейчас, а уезжал — дышала,
В бреду шептала те же всё слова:
«Сыночек милый, ты приедешь, знаю».
А у тебя работа, да дела...

Потом бежал я, словно гнали плетью,
С желаньем, прожигающим огнем:
Увидеть мать, не опоздать, успеть бы,
Прощенье вымолить, покаяться во всем.

Вокзал и поезд — все в одно мгновенье;
Недолог путь, но будто много дней;
И сердце, словно вторило движенью,
Стучало в такт: скорей! скорей! скорей!

Не помню, как я вышел из вагона
И тенью трепетной шагнул с испугом в ночь.
Сжималось сердце, что и как там дома?
То замирало, то, как конь, рвалось.

Но вот деревня, за погостом рядом,
Могилки холмики, и силуэт креста,
И будто за разрушенной оградой
Увидел я стоящего отца.

И в этот миг вдруг слов его значенье
Прозреньем озаренный осознал:
Бессильна смерть, всеильно Воскресенье!
Ты жив, отец, и ты не умерал!

Могильный холм обняв его холодный,
Я плоть креста слезами орошал.
— Ты жив, отец, а я мертвец зловонный.
Прости меня! — со стоном я взывал.

Я искуплю грехи любовью к маме,
Сыновий долг исполню я сполна,
И ты, отец, ты в сердце будешь с нами...
Но вдруг взошла холодная луна.

И всё вокруг бесстрастно осветила...
О ужас! Только тут заметил я,
Что рядом чья-то свежая могила,
Но я-то знал, я сразу понял, чья!

Мой стон, наверное, тогда весь мир услышал —
Деревья вздрогнули, чтоб больше не уснуть —
Ударил эхом он, как молотом по крышам,
Но только маму этим не вернуть!

— Встань, мамочка, прости меня, родная,
— Взывал я в голос, встань, открой глаза,
Давай молиться вместе, дорогая,
Ты только встань и уж прости меня!

Но не было ответа, шли мгновенья,
Слагаясь минутами к часам,
И вдруг я понял, Кто дает прощенье,
И с воплем руки поднял к небесам...

И эта ночь была последней ночью
В моей безбожной жизненной ночи,
Она открыла мне слепые очи;
Нашел я путь, и дверь, и к ней ключи.

С тех пор себя не мыслю я без Бога,
В Нем жизнь моя и счастья полнота.
Огромен мир, но мне одна дорога:
Сквозь тернии — в объятия Христа...

Когда я вижу пред собой отныне
Заплаканную, сгорбленную мать,
А рядом с ней напыщенного сына,
От всей души мне хочется сказать:

— Вы, матери, скорбящие за сына,
Прострите с верой руки к небесам
И знайте, что молитвы ваши в силах
Творить и после смерти чудеса...

Вы, сыновья, забывшие о Боге,
Взгляните на рыдающую мать,
Оставьте грех, чтоб не пришлось в итоге
Вам эти слезы горькие пожать.

Старый Изборск

